Не остаток прошлого, а пространство будущего: к вопросу о трансформации сельских территорий[1]

Рецензия на книгу: Быстрова Т. Ю., Мазаев Г. В. Сельское расселение: история и типология. Екатеринбург: TATLIN, 2024. — 108 с. ISBN: 978-5-00075-362-0

Т. Ю. Гусаков

Тимур Юрьевич Гусаков, научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: gusakov.timur@mail.ru

EDN: TPHZHQ

Книга «Сельское расселение: история и типология» вышла в издательстве TATLIN, что само по себе необычно, учитывая традиционную ориентацию этого издательства на города, архитектуру, дизайн и визуальные искусства. Такой контекст подчеркивает междисциплинарный характер исследования и необычность его постановки. Не случайно издание уже привлекло внимание: ранее была опубликована рецензия, сосредоточенная преимущественно на типологическом и методологическом аспектах исследования[2]. Настоящий отклик стремится дополнить эту дискуссию, рассматривая работу в междисциплинарном аспекте и в сравнительном международном контексте.

Сельское расселение при этом представляется не только как совокупность домов и улиц, нанесенных на карту, но и как особая форма человеческого присутствия в пространстве, где организация жилья и общих территорий становится способом взаимодействия общества с природой в историческом процессе. В философском смысле расселение можно понимать как диалог человека с пространством, где организация жилья, дорог, общих пространств есть способ осмысления мира. Не случайно М. Хайдеггер утверждал, что истинное жилище возникает тогда, когда человек «пребывает», т.е.

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

2. *Троцук И. В.* (2025). Типология и топология сельского расселения: возможности и ограничения краткого изложения // Крестьяноведение. Т. 10. № 2. С. 196–206.

становится частью пространства, обустраивая его не ради функциональной пользы, но ради самого присутствия в мире[3].

В индустриальных регионах России, таких как Средний Урал, эта философия «пребывания» вступает в противоречие с логикой индустриализма, где сельская местность часто воспринималась как ресурсная единица, обслуживающая завод или рудник. Здесь село теряло автономность, но обретало особую судьбу — становилось частью «большой машины» модернизации. Этот парадокс и определяет сегодняшнее состояние сельского расселения: между памятью и забвением, между органикой и искусственностью, между природой и индустрией. Исследование как раз и пытается ухватить эту двойственность сельского мира — его укорененность в традиции и одновременно подчиненность силам модернизации.

Монография представителей уральской науки доктора философии Т. Ю. Быстровой и кандидата архитектуры Г. В. Мазаева, посвященная состоянию и перспективам сельской системы расселения в индустриальных регионах России, в частности на примере Свердловской области, занимает особое место в современной научной и общественной дискуссии о будущем сельской местности. Уже сам выбор исследовательской оптики представляется необычным: авторами работы выступили не географы, как это обычно бывает, а ученые из области философии и градостроительства. Одновременно это освобождает исследование от привычных для географической науки рамок статистико-демографического анализа и позволяет мыслить шире, концептуальнее, философски, а также использовать градостроительный и пространственно-планировочный инструментарий. Однако при этом отсутствие «географической школы» приводит к тому, что некоторые вопросы территориальной дифференциации, пространственной иерархии, историко-географической динамики расселения трактуются схематично либо остаются за пределами анализа. В этом, на наш взгляд, заключается как сила, так и ограничение книги.

Подобный подход созвучен мировым трендам, когда исследования сельских территорий все чаще выходят за рамки аграрной экономики и демографии и привлекают инструментарий философии, культурологии, урбанистики, архитектуры. Так, в работах Дж. Халфакри, М. Вудса, Ф. Клоука и других представителей rural studies сельская местность рассматривается не как «остаток» модернизационных процессов, а как система с собственными правилами функционирования и потенциалом[4]. В этом плане рецензи-

3. *Bobeck A.* Building Dwelling Thinking by Martin Heidegger / Transl. by A. Bobeck. URL: https://www.academia.edu/34279818/Building_Dwelling_Thinking_by_Martin_Heidegger_Translation_and_Commentary_by_Adam_Bobeck_

4. *Woods M.* (2011). Rural Geography: Processes, Responses and Experiences in Rural Restructuring. SAGE Publications Ltd.; *Cloke P., Marsden T.,*

руемая книга — представитель своего времени и даже опережает некоторые российские работы, остающиеся в рамках традиционной географической науки.

Структура монографии логично вытекает из поставленных целей и задач. Книга состоит из введения, нескольких тематических глав, заключения и богатого библиографического аппарата, отражающего широкий круг источников (преимущественно отечественных). Но мы выделим и остановимся подробнее на смысловых блоках книги.

Методологический фундамент. Авторы начинают с детального анализа и систематизации подходов к изучению сельского расселения. Они обосновывают выбор системного и топологического методов, критикуя ограниченность чисто статистических и типологических подходов, которые «хотя и правильно передают общие тенденции, но не привязаны к заботам и нуждам конкретного объекта изучения и политики — человека» (с. 7). Подчеркивается необходимость холистического пути, «учитывающего связи сельских и городских расселенческих процессов, позволяющий увидеть территорию как сельско-городской континуум» (с. 13).

Анализ современного состояния. В работе приводится обширный фактический и аналитический материал, раскрывающий кризисное состояние сельского расселения в России. Авторы констатируют, что «система сельского расселения Российской Федерации продолжает разрушаться и деградировать» (с. 35). Это подтверждается данными о сокращении населения, миграционном оттоке и «вымывании» поселений среднего масштаба, что «свидетельствует о неустойчивости системы» (с. 36).

Историко-генетический анализ. Одна из сильных сторон работы — прослеживание исторической эволюции взаимодействия городской и сельской систем расселения. Авторы выделяют три этапа: доминирование сельской системы; развитие сельских систем и формирование городов; урбанизация и активное «поглощение» сельской системы городской. Делается важный вывод об их принципиальном различии и «неодновременности»: «Сельская система расселения превосходит городскую по количеству планировочных элементов... однако сложность системы, являясь качественной характеристикой, не определяется только числом объектов в ней» (с. 59). Городская система является сложной и иерархичной, а сельская — большой, но простой и малодифференцированной.

Региональный кейс (Свердловская область). Теоретические выводы апробируются на примере индустриального региона. Анализ показывает, что сельское расселение здесь «не является гомоген-

---

Mooney P. (2006). The Handbook of Rural Studies. SAGE Publications Ltd.; *Milbourne P.* (2014). Poverty, place, and rurality: Material and sociocultural disconnections // Environment and Planning A: Economy and Space. Vol. 46 (3). P. 566–580.

ным, а состоит из большого числа отдельных локальных и зачастую не связанных между собой структур, преимущественно линейного типа» (с. 17). Авторы выявляют специфические проблемы, такие как «административная рурализация» (искусственный перевод поселков городского типа в сельские) и наличие квазицентров в поселениях, которые фактически не выполняют своих функций, что ведет к деградации локальной сети.

Практические рекомендации и прогноз. В завершающих разделах авторы разрабатывают параметры собственной градостроительной методики. Ключевой тезис заключается в отказе от курса на тотальную урбанизацию и укрупнение: «Необходимо не „стирать различия между городом и деревней“, а, опираясь на эти различия, создавать особую, специфичную сельскую систему расселения» (с. 55). Прогноз развития связывается не с унификацией, а с дифференциацией подходов для разных зон (пригородная, индустриальная, фермерская), с акцентом на развитие коммуникаций и smart-технологий.

Центральный тезис авторов заключается в системном понимании сельского расселения. Из него вытекает ключевой методологический вывод о «неодновременности» городской и сельской систем, что, в свою очередь, заставляет критически оценить практику административной унификации и укрупнения. Успех определяется топологической обусловленностью и учетом региональной специфики. Работа убедительно доказывает, что будущее российского села лежит не в его тотальном преобразовании по городскому образцу, а в нахождении его собственного пути развития, основанного на понимании его уникальной системной природы.

Сравнительный международный контекст. Сопоставление с опытом других индустриальных регионов позволяет не только выявить уникальные черты уральской деревни, но и показать общие закономерности трансформации сельского расселения в условиях индустриализации и последующей деиндустриализации. Подобные аналогии крайне важны для выработки новых исследовательских и практических подходов, поскольку они демонстрируют разные модели адаптации сельских территорий к экономическим и институциональным изменениям.

Рейн-Рур (Германия), являясь крупнейшим индустриальным регионом Европы в XIX–XX вв., столкнулся с похожими проблемами: быстрый рост городов, индустриализация, поглощение деревень. Но в отличие от Урала, здесь развивалась система «Zwischenstadt» (между-город), когда сельские поселения не исчезали, а встраивались в общую агломерационную структуру[5]. Сегодня многие деревни Рейн-Рура существуют как «пригородные анклавы» с высоким

5. *Meraner M., Pölling B., Finger R.* (2018). Diversification in peri-urban agriculture: A case study in the Ruhr metropolitan region // Journal of Land Use Science. Vol. 13 (3). P. 284–300.

качеством жизни, сохраняя идентичность и получая новые функции (жилая, рекреационная).

Сравнение показывает: если в Германии индустриальная урбанизация сопровождалась сохранением сельских элементов, то в России многие деревни были ликвидированы. Причина кроется в различии институциональных режимов: в странах Европы — рыночная адаптация, в СССР — административное укрупнение.

Верхняя Силезия (Польша) с угольной промышленностью демонстрирует сходные черты с Уралом: индустриальные поселки, смешение сельского и городского уклада. После падения социализма часть шахт закрылась, многие села деградировали[6]. Однако в XXI веке идет политика «сохранения культурного ландшафта» и поддержки локальных сообществ[7]. Это могло бы быть уроком и для России.

Аппалачи сегодня воспринимаются не просто как зона угольных шахт и бедных сельских поселений, но как своеобразная «лаборатория современной сельско-городской трансформации»[8]. К. Маршал Кук предлагает концепт *«большой сельскости»* (big rurality), обозначающий особые сельские пространства, возникшие в глубине депрессивных индустриальных зон. Угольный бассейн Покахонтас предстает не только промышленным ландшафтом, но и социотехнической системой (STS), где технологии и наука «экспериментируют» над местным населением и природой, превращая их в часть больших инфраструктурных процессов[9]. Это сближает Аппалачи с Уралом: и там, и здесь индустриальное освоение горных территорий создавало гибрид сельского и промышленного уклада, а его упадок вел к деградации деревни.

В то же время в Аппалачах на фоне депрессии возникли и практики сопротивления: активизация локального знания, новые формы низовой демократии, опора на фермерство и культурные инициативы. Опыт показывает, что регион может выступать площадкой для отработки новых форм сельско-городской адаптации, тогда как в уральском контексте подобные процессы пока выражены лишь фрагментарно.

Донбасс и Кузбасс ближе всего к Уралу по типу сельско-городского расселения. В обоих случаях историческая индустриализация сопровождалась формированием густой сети шахтерских и рабочих

6. *Runge A. Z.* (2023). Changes in regional settlement systems in Poland // Environmental & Socio-economic Studies. Vol. 11 (4). P. 1–11.
7. *Wojewódzka-Wlewlórska A.* (2021). Rural areas endangered with depopulation as problem areas — the example of Poland // Prace Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu. Vol. 65 (4). P. 158–170.
8. *Никулин А. М.* (2025). Аппалачи как лаборатория современного сельско-городского развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 25. № 2. С. 532–537.
9. *Cook C. M.* (2024). Big Rural: Rural Industrial Places, Democracy, and What Next. Lanham: Lexington Books.

поселков, которые находились в тесной связке с традиционными деревнями. Уже во второй половине XX века здесь обозначилась тенденция поляризации: крупные города-центры росли и развивались, тогда как малые сельские поселения постепенно утрачивали демографический и хозяйственный потенциал[10].

Особенно показателен Донбасс. С распадом СССР этот регион оказался в ситуации резкой деиндустриализации, закрытия шахт и заводов, что неминуемо ударило по окружающим сельским населенным пунктам, связанным обслуживающей инфраструктурой и местами приложения труда[11]. В XXI веке к этому добавились вооруженные конфликты, что усилило процессы депопуляции и разрушения сельской инфраструктуры. Многие поселения превратились в «серые зоны» — лишенные рабочих мест, школ и медицинских учреждений[12]. На этом фоне городские агломерации Донецка и Луганска продолжали концентрировать ресурсы, углубляя пространственный дисбаланс.

Кузбасс, при всех различиях, демонстрирует близкие тенденции. Масштабное сворачивание угольной промышленности в 1990–2000-е годы сопровождалось массовым закрытием поселков при шахтах, многие из которых официально сняты с учета или оказались в статусе «неперспективных». В регионе усилилась демографическая концентрация в крупных городах — Кемерово, Новокузнецк, Прокопьевск, тогда как деревни и малые поселки столкнулись с депопуляцией, старением населения и деградацией социальной инфраструктуры[13]. Таким образом, и Донбасс, и Кузбасс иллюстрируют сценарий, при котором индустриальная модернизация приводит не к интеграции сельского пространства, а к его последовательному вымыванию.

Сопоставления позволяют увидеть, что судьба сельских поселений в индустриальных регионах определяется не только экономическими циклами индустриализации и деиндустриализации, но и институциональной рамкой, в которой происходят трансформации. В Рейн-Руре и Верхней Силезии сельское пространство оказалось встроено в систему агломерационного или культурного развития, в Аппалачах оно стало ареной борьбы за новые формы локальной демократии, в Донбассе и Кузбассе — жертвой поляризации и моноукладности. Российский Урал, на фоне этих при-

10. *Нефедова Т. Г., Полян П. М., Трейвиш А. И.* (2001). Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ.
11. *Нагірна В. П., Руденко Л. Г.* (2016). Сільська місцевість України у контексті трансформаційних процесів в аграрній сфері // Укр. геогр. журн. № 2. С. 39–47.
12. *Гукалова І. В.* (2023). Демографічні та соціальні чинники розвитку сільської місцевості в Україні: тенденції змін // Укр. геогр. журн. № 2. С. 35–47.
13. *Pallot J., Nefedova T.* (2007). Russia's Unknown Agriculture: Household Production in Post-Socialist Rural Russia. Oxford University Press.

меров, выглядит как регион, где административно-централизованные практики часто препятствовали сохранению и адаптации сельских поселений, что и определило их убыль. Тем ценнее рассматриваемая книга, предлагающая новый взгляд на уральскую деревню не как исчезающий реликт, а как элемент сложной системы, сопоставимой с зарубежными аналогами и требующей инклюзивного проектирования будущего.

Наши оценки. Выводы исследования могут стать основой для пересмотра региональных программ развития сельских территорий, сместив фокус с укрупнения на точечную поддержку локальных центров[14]. Важно учитывать реальные центры коммуникаций и траектории повседневной мобильности, а не только формальные административные центры. Для местных сообществ работа дает язык для описания собственной ситуации и подсказывает возможности мобилизации ресурсов, в том числе культурных и символических.

Сильные стороны монографии заключаются, прежде всего, в оригинальной методологии: авторы соединяют философский и архитектурный подходы, что позволяет увидеть сельскую систему расселения под новым углом. Большое достоинство книги — внимание к реальным практикам и жизненным стратегиям населения, а также богатый эмпирический материал, собранный в ходе полевых исследований.

Несколько аспектов книги вызывают дискуссию и задают поле для будущих исследований. Одним из наиболее заметных ограничений работы является ее региональная фокусировка: детальный анализ практически полностью посвящен Свердловской области. Это придает книге убедительность как кейсу, но вместе с тем снижает универсальность выводов. В условиях, когда авторы заявляют о намерении предложить рекомендации для всей России, отсутствие сопоставлений с другими типами регионов (южными аграрными, северными депопулирующимися или национальными республиками[15]) воспринимается как недоработка. Сравнительный раздел, в котором уральская модель была бы соотнесена, например, с Краснодарским краем или Центральным Нечерноземьем, усилил бы общую убедительность книги.

Другой момент касается международного контекста. Авторы справедливо акцентируют уникальность российского пути с его административным укрупнением и сселением, но лишь пунктирно обозначают мировые параллели. В результате создается впечатление исключительности российских проблем, тогда как схожие вы-

14. *Нефедова Т. Г.* (2003). Сельская Россия на перепутье. М.: Новое издательство.

15. *Нефедова Т. Г.* (2021). Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах Центра России // Крестьяноведение. Т. 6. № 1. С. 126–153.

зовы (депопуляция сельской местности, поиск новых функций для сельских поселений, поддержка локальной экономики) хорошо известны в Германии, Финляндии, Канаде и других странах[16]. Более детальный разбор зарубежных кейсов, их успешных и неудачных решений, позволил бы обогатить книгу практическими выводами и сделать ее интересной не только для отечественного, но и для международного читателя.

Существенным достоинством книги является глубокая диагностика, но именно здесь проявляется дисбаланс: аналитическая часть выглядит куда более проработанной, чем раздел, посвященный практическим рекомендациям. Авторы мастерски используют теорию центров, аффордансов и анализ квазицентров для объяснения деградации сельской системы, но конкретные механизмы выхода из кризиса остаются лишь в намеках. Нам недостает обсуждения того, какими именно инструментами можно реализовать предложенные меры. Очевидным усилением работы могло бы стать включение примеров пилотных проектов, инструментов поддержки малого бизнеса или изменений в законодательстве о градостроительной деятельности на сельских территориях.

Современный контекст также требует внимания к цифровому фактору. В книге практически не обсуждается, как цифровизация, онлайн-коммуникации и smart-технологии могут менять модели сельского расселения. Между тем именно интернет и удаленная занятость способны компенсировать дефицит инфраструктуры и задать новые сценарии для малых населенных пунктов[17]. Отсутствие этого аспекта лишает исследование перспективного измерения, столь необходимого для нашего времени.

Наконец, при всем богатстве полевого материала визуализация данных могла бы быть более убедительной. Некоторые схемы и карты будут трудны для восприятия читателями, не знакомыми с уральской спецификой. Более подробные пояснения, акценты на ключевых элементах структуры поселений, ясные обозначения центров и связей сделали бы иллюстративный ряд не только вспомогательным, но и самостоятельным доказательством.

Все сказанное, однако, не перечеркивает сильных сторон монографии, а лишь обозначает ее естественные границы. Сосредоточившись на методологии и глубоком анализе одного региона, авторы неизбежно пожертвовали широтой охвата и детализацией

16. *Granberg L., Andersson K.* (2015). Evaluating the European Approach to Rural Development: Grass-Roots Experiences of the LEADER Programme. Routledge.

17. *Salemink K., Strijker D., Bosworth G.* (2017). Rural development in the digital age: A systematic literature review on unequal ICT availability, adoption, and use in rural areas // Journal of Rural Studies. Vol. 54. P. 360–371; *Rundel C., Salemink K.* (2021). Bridging digital inequalities in rural schools in Germany: A geographical lottery? // Education Sciences. Vol. 11(4). P. 181.

практических решений. Эти лакуны задают программу для будущих исследований — как самих авторов, так и других исследователей, которые будут опираться на их подход.

Монография расширяет горизонты научного обсуждения сельского расселения. Авторы показывают, что его нельзя сводить лишь к вопросам демографии или инфраструктуры: это сложная система, развивающаяся по своим законам, тесно связанная с историей, культурой и образом жизни людей. Такой подход открывает перспективу для будущих масштабных сравнительных исследований, где сельские территории будут рассматриваться не как остаток прошлого, а как равноправный и динамичный элемент национального пространства.

Сельская местность рассматривается не как рудимент, а в качестве самостоятельной системы с собственными центрами, траекториями и потенциалом развития[18]. Подобный подход сближает работу с современными направлениями rural studies, где сельская местность трактуется как социокультурный и пространственный феномен.

Проведенные нами международные параллели показывают, что уральский опыт типологически сопоставим с другими индустриальными регионами мира. Однако Урал обладает специфическими институциональными особенностями, которые сильно отличают его от европейских и американских моделей.

Работа объединяет философский и архитектурный подходы, опирается на полевые наблюдения и открывает возможности для комплексной политики в отношении сельских территорий. Она может служить опорой для междисциплинарных и сравнительных исследований, а также для практических решений в области регионального развития.

Not a remnant of the past but a space for the future: On the transformation of rural territories

Review of the book: Bystrova T. Yu., Mazaev G. V. (2024) Rural Settlement: History and Typology. Yekaterinburg: TATLIN. — 108 p. ISBN: 978-5-00075-362-0

Timur Yu. Gusakov, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: gusakov.timur@mail.ru

18. *Ioffe G., Nefedova T.* (1997). Continuity and Change in Rural Russia: A Geographical Perspective. Westview Press, Oxford.